

Симон Эренбург

Группа, по-моему, - 4306 специальность – физика полупроводников.

После окончания – аспирантура НГУ – 3 года. Потом два года – в Институте Неорганической Химии СО АН (Отдел физики твердого тела, Лаборатория физики низких температур), затем - 3 года в Институте Катализа СО АН, а с 1978 года по настоящее время в Институте Неорганической Химии СО АН (сейчас – в Лаборатории Спектроскопии ИНХ СО РАН).

Практически все годы занимался приложениями рентгеновской спектроскопии для исследования электронного и пространственного строения различных соединений и материалов, в том числе, различных наносистем - высокодисперсных катализаторов, полупроводниковых систем с «квантовыми точками» и др.

Женат, жена - музыкант, всю жизнь проработала артисткой оркестра Новосибирского Оперного театра. Два сына, оба окончили экономический факультет НГУ, старший, Григорий, преподает финансы в Канаде, младший, Александр, - директор по развитию Нижнетагильского металлургического комбината (ЕВРАЗ – холдинг).

***Будем здоровы! Счастливого продолжения нашей интересной
и разнообразной жизни!***

МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 50 ЛЕТ

В 1950 году, когда мне было четыре года, мой отец вынужден был уехать из Ленинграда, где после окончания аспирантуры никак не мог найти работу, поскольку был «инвалидом пятой группы по национальному признаку». Чтобы прокормить семью, он уехал на работу в город Сталинск (с 1956 года – Новокузнецк), в распоряжение Западно-Сибирского геологического управления. Более 10 лет проработав на производстве в Новокузнецке, он в 41 год блестяще защитил кандидатскую диссертацию по физической химии на Ученом Совете ИОНХа в Москве.

В Новокузнецке все было не так просто и для меня, как «инвалида». Во всяком случае, «на этой почве» я неоднократно получал по морде, а однажды мне пришлось прятаться в

кустах в течение целого сезона в пионерском лагере. Поэтому переезд нашей семьи в 1963 году в Академгородок был просто счастьем и для меня, и для всей нашей семьи. Мой младший брат Лева воспитывался уже в другой среде (сам мог набить морду сразу трем обидчикам), окончил несколько училищ и ВУЗов, а теперь имеет свой театр в Петербурге, «Золотую маску», две постановки во МХАТе и одну – в театре Маяковского.

Таким образом, новый, счастливый этап в моей жизни начался чуть раньше, чем я поступил на физфак Новосибирского университета.

Годом раньше, летом 1963 года, моя семья (отец, Эренбург Борис Григорьевич, моя мама Разия Сибгатовна и младший брат Лева) переехала из Новокузнецка в Новосибирск, в Академгородок, где отец стал заместителем декана естественного факультета университета, а мама устроилась на работу лаборантом в лабораторию К.Г.Ионе Института катализа. Деканом естественного факультета Университета тогда был директор Института кинетики и горения академик Владислав Владиславович Воеводский. Мой отец всегда с огромным уважением, пожалуй, как ни о ком другом, говорил о нем, имея в виду его выдающиеся профессиональные и человеческие качества. Итак, я имел некоторое преимущество перед большинством абитуриентов, поступающих в НГУ. Оно заключалось в том, что я окупился в атмосферу Академгородка на год раньше, кое-что узнал об НГУ, о требованиях, предъявляемых к абитуриентам, поступающим на физфак, и кое-что понял о себе и своем будущем пути, а также о месте в жизни.

Вступительные экзамены в НГУ я сдал довольно успешно: письменная математика – 4, устные математика и физика – 5. До сих пор хорошо помню, кому их сдавал и какие задачи решал. Физику сдавал лектору вечернего факультета Машинину, который задал дополнительные вопросы – почему у облаков нижний край ровный и как сделать, чтобы струя фонтана светилась, как у фонтана при входе на ВДНХ? Потом было много задач, последняя из которых – об электроны, влетающем в конденсатор. Для этой задачи я рассмотрел несколько возможных вариантов и спросил можно ли считать удары электрона о внутреннюю поверхность обкладок упругими? Если да, то решения для всех возможных случаев я уже оформил.

Экзамены во время учебы в Университете я также сдавал довольно успешно. Правда, один раз был скандал. Я провалил экзамен по электродинамике в весеннюю сессию второго курса лектору Карпману, который назвал меня «выдающимся» студентом. По его мнению, в отличие от посредственных студентов, которые не могут взять интеграл, и от лютых студентов (и хороших, и плохих), которые все-таки могут взять производную от функции, я даже не понимал, что такое функция.

Обидевшись, я продолжал злить лектора, потому что мне уже было нечего терять, а другие студенты вокруг, сдававшие экзамен, очень волновались. В семестре семинары по электродинамике у нас вел Сизгир, который меня достаточно хорошо знал. Сизгир посоветовал мне успокоиться, и тогда все, по его мнению, должно закончиться благополучно. Я ответил ему, что я и так очень спокоен. Через месяц я успешно пересдал экзамен и поехал догонять нашу учебную группу в Анапу, где мы помогали местному населению убирать урожай.

Мои занятия спортом начались еще в Новокузнецке, где я, выступая под чужой фамилией на первенстве города среди школьников, неожиданно для всех, занял почетное третье место в беге на 60 метров. С тех пор я поверил в себя и более 50 лет продолжаю заниматься разными видами спорта и выступать на различных соревнованиях. Выступал я даже на Всероссийских соревнованиях школьников по легкой атлетике в составе сборной Кемеровской области и неоднократно – в составе сборной студенческого общества «Буревестник» Новосибирска.

За время учебы в НГУ, я участвовал в регулярно проводившихся Всесибирских Универсиадах, как в Новосибирске, так и во Владивостоке, Иркутске и Перми. Были и при-

ключения. Так, по пути в Пермь мы вчетвером отстали от самолета в Свердловске, а мой шест благополучно улетел без меня, и его доставили в Перми в гостиницу девочки-гимнастки. А мы, четверо, умудрились сесть без билетов в самолет, летевший из Ташкента в Пермь с посадкой в Свердловске, причем билеты у нас проверили только в Перми при выходе. Но было уже поздно, и мы чуть не догнали мой шест по дороге в гостиницу.

Установленный мною в 1965 году рекорд НГУ по прыжкам с шестом (четыре метра) так до сих пор и не побит (в будущем году будет юбилей – 50 лет). Случай – аналогичный случаю с «неуловимым Джоном» – не то, что его (Джона) никто поймать не может, просто он никому нафиг не нужен. С шестом я уже давно не прыгаю, на швертботе «Летучий голландец», как в университетские годы, не гоняюсь. Правда, у меня есть своя старенькая прогулочная яхта «Ассоль», на которой мы с друзьями частенько выходим летом в море.

Зимой – катаюсь на лыжах (в Сибири, и в Альпах), участвую в клубных соревнованиях по горным лыжам, так как **я уже лет десять президент Горнолыжного клуба СО РАН**. Так что есть еще «порох в пороховницах», хотя за последний год у меня успели треснуть пять ребер (два на Эльбрусе и три – в Сибири), но, вроде, все окончилось более или менее благополучно.

Аспирантура и ее продолжение

После окончания основного курса НГУ я поступил в университетскую (целевую для НЭТИ) аспирантуру к С.С. Бацанову, которого после двух лет моего обучения успешно «ушли» из Академгородка крутые конкуренты из Лаврентьевского Института гидродинамики. В результате во время беседы с ректором НЭТИ Лыщинским я не смог назвать дату моей защиты и был отчислен из аспирантуры НЭТИ, но принят в аспирантуру НГУ. Позже тема моей диссертации сильно изменилась, но через 7 лет (в 1979 году) я одним из первых в Сибири, в СССР и в мире защитил кандидатскую диссертацию по теме, связанной с использованием синхротронного излучения в физике и химии твердого тела. Уже тогда я «продался» в ИЯФ СО РАН и с тех пор занимаюсь синхротронными экспериментами, в основном, на базе ускорителей ИЯФ СО РАН, а также ускорителей ESRF в Гренобле и BESSY в Берлине.

С 1990 года я стал «выездным» и с тех пор шесть раз поработал на ускорителе в Гренобле и раз тридцать побывал на научных конференциях почти во всех частях света, правда, в основном, в Европе и Америке. Для выступлений с устными докладами пришлось подучить английский язык и в прошлом году мне впервые предложили вести секцию на одной международной конференции в Италии (15th European Conference on Applications of Surface and Interface Analysis (ECASIA'13)).

Несколько слов о лете: каникулах, отпусках. Программа бывала довольно обширной. В первые, после окончания Университета, годы надо было съездить в стройотряд (на шашку) и при этом еще успеть сходить в горы. Поэтому ходил в горы, в основном, в мае, за счет майских праздников, плюс брал недельку за свой счет. Весной еще прохладно, поэтому бывали мы, обычно, на юге, в Таджикистане (в Фанах, на Памире, на Памиро-Алае, в горах Гиссарского хребта). Походы были туристские, не очень сложные, но было очень интересно и разнообразно, да и высоты обычно бывали и выше четырех тысяч. Стройотрядов было много, больше десяти, с очень разнообразной географией – от прииска «Глухариный» Магаданской области, в 20 километрах от Колымы в 1970 году, Сургута, Бурятии и Тувы до хлебозавода в Кочках (Новосибирской области) в 1981 году. В Кочках мне пришлось быть бригадиром команды из восьми человек (шестеро из которых были уже к тому времени кандидатами физмат наук). После сорока лет я бросил ездить на шашки и начал потихоньку заниматься альпинизмом: «отработал» пять смен в альплагерях (Ала Арче (Фрунзе), Дугобе (Фергана), Варзобе (Душанбе), Алибеке (Домбай)), а затем, в 1990 году в составе команды альпинистов НГУ попытался подняться на пик Ленина (7134 метра). Наша попытка закончилась неудачей: после ночевки на высоте примерно 6000 метров мы были вынуждены (впрочем, как и все другие группы, находившиеся на горе) вернуться в базовый лагерь из-за резкого ухудшения погодных условий.

Последние 10–15 лет высоко в горы уже не хожу. Но весной или летом участвую в сплавах на катамаранах и надувных плотках по Чуе, Катунь или Чулышману. Это уже близко от Новосибирска, на Алтае, и есть очень хорошая постоянная команда.

Так что жизнь продолжается!

Синхротронный эксперимент на ускорителе ESRF в Гренобле.